

– Когда вы уезжали из Ленинграда?

– Мы уезжали числа третьего, четвертого, пятого. И это только я уезжала, вместе с интернатом. Это еще в августе было, задолго до блокады.

– А папа оставался совершенно спокойно?

– Папа оставался. Они нас проводили, оставались папа, мама, и на Кировской жившие папина мама и младшая сестра его с дочкой.

– Но она же маленькая совсем была? А Вам было сколько?

– Она была маленькая. Мне было десять лет, а она тогда еще дошкольницей была. А потом я писала ей, что я скучаю, что я люблю ее. Но я ехала не одна с сестрой Иной. Она на пять лет меня старше была, опекала меня, баловала. И вот я такая была избалованная. Я писала сначала из Ярославской области, где мы были сначала, потом из Емуртлы домой страшные письма, что я скучаю без них, без папы с мамой. А одно письмо написала, что пойду пешком в Ленинград к ним. И тогда мама приехала. У нее появилась возможность получить работу в этом интернате. Правда его не интернатом называли, а почему-то лагерем. Как бы летний лагерь такой детский.

– А почему такое странное название? Оно звучит каким-то татарским.

– Это Омская область.

– Мне казалось, что это где-то в Татарии, на Волге.

– Страшноватое название было. Дело в том, что там ведь матери этих детей многих работали воспитателями, они с ними сразу поехали, те, у кого были маленькие дети. А потом, значит, моя мама и мама Тани с Алешей [Милорадович], они приехали к нам, туда.

– А мама была членом союза художников?

– Нет, не была. Была такая в Ленинграде организация – художественный фонд. И нас так соединили детей союза художников и этого самого художественного фонда. Ну вот, и мама приехала наверное трудно сказать, в каком это было месяце. Ну, в общем, было это уже тогда, когда интернат уже из Ярославской области переехал в Сибирь. Мама приехала уже в Сибирский период, но это было до этих страшных холодов, до голода, до страшного голода, это наверное, был август, сентябрь, сентябрь.

– То есть, голода в Ленинграде она еще не успела почувствовать?

– Да, это практически так и есть. Дело в том, что когда интернат возвращался, была не очень симпатичная директор этого интерната, и она наших детей из интерната, всех детей, у которых нет родителей в Ленинграде, решила не возвращать. Поэтому нас несколько человек, у кого в Ленинграде погибли родители, решила не возвращать. Может быть, конечно, это был такой приказ, но нам тогда казалось, что это она сама так придумала. Соответственно меня тоже не надо было бы возвращать – папа погиб, а мама была не в Ленинграде а в Ташкенте. К счастью, тогда я уже тоже была у мамы в Ташкенте, не то оказалась бы в одиночестве в Омской области.

– Она передала детей какому-то местному детскому дому?

– Да, она... Во всяком случае, нас с сестрой спасла мама.

– Вы думаете, что мама могла погибнуть?

– Да, конечно, я уверена в этом. Она бы обязательно погибла. Ну, конечно, она в жизни была более практичная. И может быть, под маминым присмотром мужчины прожили бы дольше. Но все равно, в общем и целом они все были ужасно непрактичные и не имели никаких ресурсов для того, чтобы выжить, никаких ценностей в семье давно уже не было. Только вот эта вот мебель. Но ведь в блокаду она могла цениться только как дрова.

- Папа и дедушка, вы говорили, жили в Эрмитаже?
- Они жили в Эрмитаже, да. Там в Эрмитажных подвалах. Но это я уже вам все рассказывала, насколько помню, очень подробно.
- Дедушка – это был дедушка Георгий?
- Да, это мамин папа, Георгий Федорович. А папа перед Новым годом [1942] пришел к бабушке, то есть к матери своей, они жили на Кирочной с младшей папиной сестрой. Так вот он бабушке сказал, что мы с тобой умрем, а девочки останутся жить. Это было практически за несколько дней до его смерти. Но он не мог к ним не прийти, как бы плохо ему ни было. Он должен был заботиться о маме и сестре, должен был поддерживать их. И вот он проделал такую колоссально большую дорогу. Пешком от Эрмитажа на Кирочную и обратно. Меня все же мучило это всю жизнь – я все время думаю – а вдруг бы папа выжил, если бы я не требовала так яростно маму. Может, она помогла бы ему выжить? Ведь папина сестра, женщина примерно такого же возраста, что и мама, смогла выжить, и сохранила дочь... А я так люблю папу, я всегда его любила, он самый главный для меня человек. Может быть моя вина в этом есть... А потом я думаю, что нет, они все погибли бы...
- А бабушка с тетей жили без всякой поддержки?
- Ну, работал папа. Но ведь он был биологом и в блокаду всякая работа скоро прекратилась. Папа дедушке помогал, потому что дедушке ведь было отказано в пенсии.
- У Георгия Федоровича не было пенсии?
- Нет, у Георгия Соломоновича, который жил тогда в Талдоме. Его должны были амнистировать, а оставили при канале Москва-Волга. Они жили во время войны в Талдоме, они жили очень-очень тяжело.
- А папа переписывался с дедушкой тоже из блокадного Ленинграда?
- Да, да, да. Он и с нами переписывался. Но я Вам говорила, что при переезде в Ташкент все его письма к нам пропали.
- А мама первая туда уехала?
- Мама первая уехала туда, потому что там в Емуртле мама начала болеть, очень сильно заболела, и работать почти не могла. И вот эта заведующая интернатом сказала, что ей больные сотрудники не нужны, и чтобы мама как-нибудь устраивалась иначе. Ее пригласил тогда папин учитель Панголо к себе в Ташкент, конечно она поехала. В Емуртле у нее не было никаких шансов выжить. И она потом вызвала меня к себе. И время от времени маме какие-то там делали заказы по рисованию, так мы и жили. Конечно, семья Панголо очень нам помогала. А потом Алис Альбертовна и Алис Бенедиктовна сделали вызов в Москву нам в связи с тем, что мама была больна и нужно было срочно ее лечить. Ташкентские врачи ничего не понимали в ее болезни, хотя они, врачи, там были очень хорошие. И мы с мамой уехали в Москву. Она легла там в больницу, поставили диагноз, и вылечили в конце концов.
- А Ина тоже приехала с вами?
- Нет, Ина оставалась, она уже работала в сорок четвертом, значит, ей было сколько же было... Да, она там работала.
- Это в Ташкенте уже, да?
- Да, да. Маме в Москве поставили диагноз невроз. То есть, у нее была опухоль внутри нерва. Вы представляете себе? Такая крохотная, как зернышко, но она давила на нерв и вызывала страшные боли. Ну, и потом, из Москвы, мы приехали в Ленинград уже.
- А вот этот папин руководитель, Пангало? Его помощь? Это было обычное поведение для людей в то время или это выбивалось за рамки обычной взаимопомощи?
- Нет, ну конечно, это была какая-то симпатия к нашей семье вообще.
- Они давно его знали?
- Мама с папой познакомились благодаря ему, потому что мама была... Да, они познакомились в Средней Азии, как раз когда оба там, у Панголо, работали, так что это было просто очень старое знакомство. Папа работал у него в то время.

- А когда вы туда приехали к нему, как он оказывал вам поддержку?
- Ну как? Обеды приносила его жена иногда. И раз в неделю я ходила к ним обедать домой, тоже очень большая поддержка была, значит один день в неделю я была сыта и маме было полегче. Ну и потом паек она получала, тоже благодаря ему, он ее устроил на работу художником. Там она вступила в союз издательских художников. И они дали ей так называемый, литерный паек. И он был больше, чем обычной какой-то служащей. И потом я тоже устроилась на работу, тоже что-то получала. Ина работала...
- Многие говорят, во время войны были какие-то другие взаимоотношения. Было больше поддержки, больше помощи? Это было действительно это замечалось?
- Это было просто потому что понимаете, это то поколение, к которому они принадлежали. Он был замечательный человек, и делал то, что мог, и то, что считал необходимым делать для своих друзей, для семьи своего ученика.
- А в дальнейшем вы тоже поддерживали отношения?
- И в дальнейшем поддерживали. Потом он переехал, такая была это трагедия, что у него в Петергофе была квартира, там была богатейшая библиотека, собираемая годами, архивы научные, и все это пропало во время оккупации. Квартира, дом. И он не захотел возвращаться в Петергоф. Говорил, что не может вернуться на пепелище. Он переехал на юг, в Молдавию, и там работал тоже на какой-то опытной станции. И мама продолжала ездить туда, когда мы вернулись в Ленинград, на зарисовки. Летом она туда приезжала. Там же для художника работа была сезонная. Ну, пока была мама в лагере, приглашали какого-то другого художника, а когда она освободилась, то снова стала туда ездить, поскольку мама была давно своя.
- А к Вам как относился?
- Ну, я считаю, что он как-то опекал меня.
- У вас были и какие-то близкие научные интересы?
- Да, папа очень хотел, чтобы я поступила на биофак, и я так и сделал, но специальности у нас все же были разные. Папа и Панголо – ботаники, в общем, а я занималась паразитологией. И у меня было к нему отношение, как к родственному человеку. У него трагедия была с дочерью, с женой со своей он очень рано разошелся, и дочь играла в какие-то свои игры, жила то с ним, то с матерью, а он страшно ее любил и очень это все переживал. Поэтому, может быть, он и ко мне относился, почти как к дочери. У нас ведь были очень положительные отношения, очень добрые, спокойные. Я бы даже сказала, благодетельные что ли... Я была всегда благодарна за все, что он делал для меня.
- Но это не та была жена, с которой он жил в Ташкенте?
- Нет, в Ташкенте была уже вторая жена, бывшая его ученица, так сказать. Она была очень предана ему, и они очень дружески жили.
- А вы с мамой ездили в Молдавию?
- Да, ездила. На каникулы. И его жена после его смерти приезжала к нам и гостила у нас. Мы были почти родственниками. Столько всего тяжелого пережили вместе...
- Но жена после его смерти осталась там, в Кишиневе?
- Она осталась там жить, да. Но она часто приезжала к нам. Либо она приезжала, либо мама туда ездила и гостила уже у нее.
- Это были отношения семейные?
- Да, да. Очень близкая подруга такая была.
- А разница в возрасте была все таки?
- Ну да, папа гораздо моложе, чем Панголо был. Панголо ведь оставил по себе воспоминания: «Моя жизнь в детстве», потом «Моя жизнь в науке», потом моя жизнь или женщины в моей жизни. В общем, не подряд, а циклами так. И он мне присылал почитать.
- Они есть у Вас, эти воспоминания?
- Нет, я отсылала их обратно по прочтении. Он так просил.
- У мамы было много друзей, друзей?

– Да. Она была очень дружелюбная, и как будто бы светилась изнутри. С ней было хорошо, и к ней всегда тянулись люди самые разные. Например, те с которыми она была в этом обществе религиозном еще до моего рождения. С двумя или тремя женщинами из тех времен она встречалась уже и после лагеря.

– Они были в заключении по тому делу? Маму-то освободили?

– Маму взяли, когда мне было несколько месяцев. И она так плакала все время, что ее освободили.

– Но, Наталья Сергеевна, по архивной справке выходит, что она была арестована в 1933 году. Это уж вам было года три тогда?

– Не знаю, это наверное был какой-то другой арест, или какая-то путаница. Мне мама рассказывала именно так, что мне было несколько месяцев, и когда ее забрали, меня пришлось отнимать от груди.

– А мамини послелагерные подруги, они остались какие-то?

– Да, это были такие Наталья Петровна Соболев, вот с ней мама очень была дружна. И потом, когда она уже вернулась, она общалась еще с несколькими. И мама очень сблизилась с одной там молодой заключенной, к сожалению, не могу сейчас вспомнить, как ее зовут. Но мама много ею занималась, поддерживала ее. И после лагеря они иногда встречались, хотя она жила где-то Москве, но они встречались и в Москве, когда мама туда ездила. И она как-то по делам службы приезжала.

– У нас есть какие-то рисунки Соболев. Это Вы нам передавали?

– Вообще она рисовала, но ее рисунков у нас, кажется не было, так что вряд ли это я передала. Наверное кто-то еще. Да, она точно рисовала, потому что мама пользовалась ее советами, когда дело шло о портретах. В портретах мама была не так сильна. Она же всю жизнь очень точно рисовала растения. А это все же другой жанр.

– Но она не профессиональный художник была, она рисовала просто из интереса?

– Да, она очень любила рисовать. У нее была сестра, которая тоже подружилась с мамой. И ее дочка, она до сих пор жива, и моя дочка с ней очень дружит, несмотря на то, что она почти моя ровесница, но она очень живой такой и мировой души человек. Но, видите, как это несчастье очень сближает, что мы стали почти родные.

– Они встречались часто?

– Встречались они, при чем встречались регулярно, каждый год. Вот те, которые были в Ерцево вместе с мамой. В Литве у нее не образовалось таких уж близких подруг. И мама была наиболее близка вот с Натальей Федоровной. А их было там несколько человек, там шесть или семь, и они встречались.

– А это был какой-то постоянный день, установленный или они просто списывались?

– Это среди нового года, после нового года. Где-то через неделю они собирались. То есть как бы еще в новогодние праздники.

– С чем-нибудь был связан этот день?

– Нет, просто обычный день.

– Может, Рождество?

– Не знаю... А ведь верно, это было всегда через неделю после Нового года. Но это как-то никогда не формулировалось, что Рождество. Да, ведь мама верующая была и Наталья Федоровна, насколько я знаю, тоже...

– Никакой религиозной атрибутики не было при этих встречах?

– Нет, не припомню. Ни разговоров не помню, ничего такого... Да я и не всегда при этих встречах присутствовала. То дела какие-то были, то сама в гости ходила.

– Собирались все солагерницы, которые жили в Ленинграде?

– Да.

– А приезжал кто-то из других городов? Ведь в Москве кто-то жил?

– Вот, в Москве я как раз вспомнила, Ирина Федоровна ее звали, эту мамину молодую подругу, она была восемнадцатилетней там, в лагере. То есть, маме было уже пятьдесят, а она была девчонкой. Также у них было какое-то религиозно-философское общество в

Москве. И мама с ней как-то очень сблизилась, они были очень дружны, и после войны они встречались. И я, когда в Москву приезжала, у нее останавливалась. И она, будучи в Ленинграде, к нам всегда приходила. Так что лагерь очень сближал.

– А Вы постоянно с ней переписываетесь?

– Да, но вот проблема какая – что-то она давно не пишет. Я писала два раза, а от нее ничего нет. Надо как-то узнавать, не случилось ли с ней чего.

– То есть, надо практически туда ехать и спрашивать соседей?

– Да, пожалуй, надо кого-нибудь просить, чтобы там в Москве съездили и на месте узнали, в чем дело. Потому что телефон тоже уже несколько месяцев не отвечает. Я, конечно, не каждый день звоню, но все же...

– А какая-то помощь потом была друг другу или они просто встречались?

– Нет, просто встречались. Дачу мы, например вместе с Натальей Федоровной вместе снимали одно время.

– А это были мамины единственные друзья?

– Нет.

– У нее были другие друзья? Не только лагерные?

– Были и другие, с одной одноклассницей она очень дружила до самой ее смерти, с Милорадович. С подругами по техникуму с некоторыми дружила.

– Ну, эта подруга, с незапамятных времен просто.

– Потом была такая Леночка. Это все период тех религиозных обществ...

– То есть, мама сохраняла все, все отношения?

– Да, да.

– И с теми, что кружок у нее был, и с техникумом?

– Да, да.

– То есть, она была такой поддерживающий человек?

– Да, очень общительный и очень расположенный к людям человек была. Это очень нравилось окружающим. Она очень легко входила в контакт, понимаете? Я всегда сердилась, когда, если мы идем или там едем в автобусе, а она легко начинала разговаривать. Я говорила: «Мам, ну что ты всю жизнь начинаешь рассказывать посторонним людям?»

– Возвращаясь к времени интерната, я хотела спросить, один из Ваших родственников Гамберг тоже был в Емуртле?

– Да, Эдик Гамберг, совершенно верно.

– А как он попал в этот интернат для детей художников? У него кто-то из родителей был художником?

– Нет, это мама моя его туда устроила. Он вообще о нем заботилась. По родственным связям это был мой троюродный брат со стороны Витманов. Его мама была Рената Федоровна Витман, а отец – Павел Гамберг – лютеранский священник. Его мама была очень бедной, отец был арестован в 37-ом. Мои родители их семье помогали. Он и до войны часто бывал у нас. У них не было никаких средств существования, и его мама, Рената Федоровна, часто у нас жила перед войной, а Эдик в это время жил у какой-то своей другой тетки. В общем, не очень благополучная семья была. Наша семья им помогала. У него семья и дальше не очень-то хорошо сложилась. После войны Рената Федоровна, его мама, вышла замуж за какого-то военного, а он был неблагополучным мальчиком и попался на какой-то краже, довольно глупой, чуть ли не батон хлеба украл. Его посадили в тюрьму. Когда он вышел, что было делать – у него ни образования, ни профессии... Уехал в какую-то деревню, работал там то ли трактористом, то ли машинистом каким-то. Так и жил в деревне, в Ленинградской области, иногда приезжал в Ленинград, заходил ко мне. Да, вот еще, он был Эдуард Гамберг, а в то время, когда был в тюрьме, он поменял имя, стал Владимир, и фамилию взял отчима, стал Балабаев.

– У него были хорошие отношения с отчимом?

– Да, хорошие. Отчим его был хорошим человеком. И мама его, Рената Федоровна, счастливо с ним прожила всю оставшуюся жизнь. Рената Федоровна была вообще-то очень красивой женщиной, и активно занималась своей личной жизнью. Ей как-то всегда не очень было до него дело. Вот он так и покатился после войны.

– А почему он все же сменил имя и фамилию?

– Не знаю, видимо, хотел избавиться как-то от немецкой фамилии. Теперь-то мы знаем, что отец его почти разу после ареста был расстрелян, а тогда думали, что просто арестован и пропал, сидит где-то в лагерях.

– А как дальше его судьба сложилась?

– Жил он в своей деревне, один раз женился, второй раз женился, пил довольно много, и умер году в 85-ом.

– Вы много общались в Емуртле, когда в интернате жили?

– Конечно, конечно много. Мы все же были родственники и довольно крепко связанными семейными узами. Кроме того и очень давно он знал и меня и Ину. Конечно, много общались, поддерживали друг друга. Он был такой, знаете ли, заботливый очень и защищал нас всегда. То есть опекал как-то как неразумных девчонок, хотя сам был моим ровесником, значит лет на 5 младше Ины. Да, вот еще, он не долго пробыл в Емуртле, его оттуда забрал дядя, брат Ренаты Федоровны. А потом после войны так вот жизнь его сорвалась.

– А если вернуться к Вашей послеинтернатной школьной жизни, расскажите, что был за сюжет с историческим кружком?

– Я ходила в Биологический кружок.

– Нет, я говорю об историческом, в который вошли Элин и Лена Шувалова еще.

– Где, в Ленинграде?

– Да, когда уже вернулись, втроем. С Элен хотели устроить какой-то исторический кружок, делать доклады друг другу. У Элин в коммуналке?

– Нет, я не помню такого. Может, Лена что-то путает? Нет. Никогда такого не было. И я там не была никогда. И вообще я с Элин не поддерживала отношений таких, кроме учебных. Мы только встретились в университете. Я до того, как мы поступили в университет, вообще про нее ничего не знала. Я с Элин встретилась в первый же день, когда начались занятия в университете. Ведь смотрите: я уехала из Емуртлы в Ташкент, потом они переезжали в Ленинград, но это без меня уже было. А я поехала в Москву в 44-ом и жила там почти год. Я знаю, что она жила у разных друзей ее матери, но знаю я это по ее поздним рассказам. А тогда мы с ней потерялись просто. И с этим кружком... Нет Лена точно путает. Это была не я, это просто не могла быть я... А! Ну я понимаю, кто там был. Это была Ирочка. Ира с ней дружила. Не помню фамилию. Так что Лена просто немного напутала.

– Она так уверенно рассказывала...

– Врет. Нет я с ними не встречалась вообще. И Лену Шувалову я тоже встретила уже тоже когда в университете училась.

– Вы просто разъехались из Емуртлы в разные стороны?

– Ну да, просто разъехались.

– Вы уехали в Ташкент, потом Вы возвращались в другое время.

– Да, а кроме того Ира с Леной, они были близкими подругами. Так что они, наверное, поддерживали связь. А я дружила с Таней Милорадович.

– Она мне говорила, что у Вас были более близкие отношения как раз со старшими девочками, потому что вы дружили с Милорадович.

– Нет, Таня всего на год была меня старше. А я дружила со старшими, потому что Регина, моя сестра была постарше уже на несколько лет.

– А что там с биологическим кружком?

– А с биологическим, когда я еще в школе училась, нас несколько девочек, тогда школы были отдельные, и вот мы с одной из девочек, нас было пятеро, с одной из них мы занимались во Дворце Пионеров.

– А интерес к биологии – это было наведенное папой? С его подачи?

– Я же в биологию пошла... Ну, наверное, да. Ведь вот что надо сказать. Я пыталась поступать в среднюю художественную школу. Которая при Академии Художеств. Но я не прошла по конкурсу. То есть, я хотела исходно учиться именно там, потому что Таня туда пошла на год раньше. Ну и я вот пыталась. Но потом, когда не прошла по конкурсу, обиделась на весь белый свет и ушла в биологию. Наверное, надо было побороться, позаниматься побольше, но я тогда была с гонором, и хотя мне очень нравилось рисовать, художником так и не стала.